

ПАРАДИГМЫ “ИЗГНАНИЯ” И “ПОСЛАННИЧЕСТВА”:
ЕВРОПЕЙСКИЙ ОПЫТ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В ‘20-ЫЕ ГОДЫ

*К. Соливетти, М. Паолини**

21 мая 1929 года в парижской ежедневной газете “Возрождение” Зинаида Николаевна Гиппиус опубликовала статью “Дело эмиграции – дело России”.¹ В этой статье она интерпретировала и развивала основные тезисы брошюры Голденвейзера-Любимова,² касающиеся решения насущных эмигрантских проблем через реализацию “широкого плана социально-экономического и культурного объединения” русской диаспоры. Как отклик на статью, Гиппиус получила письмо от Сергея Ивановича Четверикова, в котором он соглашался с опасностью распыления и ассимиляции эмигрантов, осуждая общую пассивность и указывая на необходимость объединения и скорейшего перехода от слов к делу. В письме также высказывалось мнение о том, что ни одна из идеологий не способна стать цементом искомой общности, поскольку любая идеология делит эмиграцию на враждебные группы, в то время как жизненная ситуация требует от изгнанников взаимопомощи и воли к существованию. В знак поддержки идей, изложенных Гиппиус, и как бы подкрепляя репутацию

* Авторы выражают благодарность А. Марченкову за помощь в переводе и подготовке окончательного варианта текста.

¹ “Возрождение”. Париж 1929, 29 мая, № 1449, с. 2-3; Далее, где не указано, все публицистические статьи, за исключением статьи “Наше прямое дело”, цитируются по изданию: Гиппиус З. Н. Чего не было и что было. Неизвестная проза (1926-1930 гг.). Сост., вступ. статья, комментарии А. Н. Николюкина. СПб. 2002.

² Голденвейзер (Николай Любимов). “Да здравствует эмиграция!”. Париж 1929.

человека “реальных возможностей”, автор сопровождает свое письмо почтовым переводом в 5000 франков.³

Вероятно, именно переписка с С. И. Четвериковым дала З. Н. Гиппиус импульс к участию в издании брошюры “Что делать русской эмиграции?”.⁴ Косвенным подтверждением этой гипотезы является включение в текст брошюры первого письма С. И. Четверикова и некролога (“Памяти ушедшего”) в память о нем.⁵ Кроме статьи З. Н. Гиппиус “Наше прямое дело”,⁶ брошюра содержала также Предисловие, подписанное общественным деятелем и редактором журнала “Современные записки” И. И. Бунаковым (Фондаминским), а также статью экономиста К. Р. Кочаровского “Что может зарубежная Россия?”.

Издание, на наш взгляд, заслуживает исследовательского внимания, поскольку в нем подводятся итоги первого десятилетия русской эмиграции и предпринимается попытка “*поставить* перед русской эмиграцией вопрос о ее бытии”.⁷ Помимо этого брошюра, как источник, дает любопытный материал для реконструкции взглядов З. Н. Гиппиус в полемике по поводу исторической миссии эмиграции и добавляет к относительно изученному образу писательницы и публициста сведения о той роли, которую она стремилась сыграть в общественной деятельности. И несмотря на то, что этим планам не было дано осуществиться, настойчивость и жажда влияния, с которыми она многократно, каждый раз пытаясь разрешить внутренние противоречия, возвращалась к указанной теме, свидетельствует о ее потребности утвердиться в статусе одного из духовных идеологов эмиграции.

Задача “объединения эмиграции”, разумеется, до 1930 года ставилась не единожды, но всякий раз это были попытки объединения какой-либо из

³ Деньги были высланы для “Общества взаимного страхования и взаимного кредита”, которое предлагала создать З. Н. Гиппиус.

⁴ “Что делать русской эмиграции?”. Статьи З. Н. Гиппиус и К. Р. Кочаровского с предисловием И. И. Бунакова. Париж, Издание книжного дела “Родник”, Libr. “La Source”, 106 rue de la Tour, Paris 1930. В цитатх брошюры курсивы принадлежат авторам.

⁵ С. И. Четвериков жил в эмиграции с 1920 года. Его первое письмо к З. Н. Гиппиус было отправлено из Швейцарии 23 мая 1929 года. Последнее же письмо подписал 10 декабря 1929 года. Днем позже – 11 декабря 1929 года – он скончался. Некролог З. Н. Гиппиус в память о нем имеет пометку “январь, 1930”.

⁶ Тезисы статьи “Наше прямое дело” были опубликованы до издания брошюры в рижской газете “Сегодня” 22 декабря 1929 г. (№ 354).

⁷ Бунаков И. И. Предисловие // “Что делать русской эмиграции?”, с. 3.

частей, а не эмиграции в целом. З. Н. Гиппиус объясняла причину неуспеха тем, что “во всех случаях цели подобных объединений не касались эмиграции как таковой; она бралась как средство, или орудие; целью же всегда была территориальная Россия”.⁸

Соответственно, замысел и пафос авторов брошюры “Что делать русской эмиграции?” заключался в том, чтобы подойти к проблеме *здесь и сейчас*, а не *там*, в прошлой или будущей России. И. И. Бунаков этот подход обозначил на первой же странице “Предисловия”:

Можно и должно спорить о политической миссии русской эмиграции: должна ли она быть активным творцом и водителем русского освободительного движения или только способствовать и помогать тем освободительным процессам, которые развиваются в самой России.⁹

Примирительно и дипломатично указав на важность политической миссии, И. И. Бунаков обозначил вопросы, утвердительные ответы на которые могли бы стать основой для сближения *всех* эмигрантов:

Но нельзя спорить об одном: о том, должна ли русская эмиграция осознать себя как часть русского народа, должна ли она сохранить свое национальное лицо, должна ли она хранить, развивать и распространять среди других народов русскую культуру?¹⁰

Далее в тексте брошюры эти вопросы ветвятся, образуя множество проблемных комплексов, среди которых можно выделить такие, как общественное устройство и “экономическое выживание десятков тысяч беженцев”, национальная идентичность и способы ее поддержания на чужбине, моральная ответственность за состояние русской культуры, роль эмиграции в строительстве будущей России и т. д. Все эти темы составляют основу социально-экономической и культурной миссии, которая, с одной стороны, подчинена миссии политической, а с другой – является условием достижения политической сверх-цели – возвращения на родину.

Отличительной особенностью брошюры был ее адресат – “широкие круги эмиграции”¹¹ или, как уточняет К. Р. Кочаровский, все, кто считают себя “гражданами России, ‘россиянами’, патриотами российской культуры” и кто соединен общностью целей “материального и культур-

⁸ Гиппиус З. Наше прямое дело // “Что делать русской эмиграции?”, с. 10.

⁹ Бунаков И. И. Предисловие, с. 3.

¹⁰ Там же, с. 3.

¹¹ Там же, с. 7.

ного устройства, задачами самопомощи здесь, за границей”.¹² Исключение делалось лишь для членов большевистских колоний и сепаратистов, “которые не только отделяют себя от России, но и действуют не для нее, а против нее”.¹³ Обращение к “широким кругам” отражало суть предложения И. И. Бунакова, З. Н. Гиппиус и К. Р. Кочаровского, которое делалось как бы *поверх* существующих партийных, религиозных, культурных группировок, на которые распалась русская эмиграция. Оно указывало также на пересмотр установки, характерной для политических лидеров диаспоры – установки, согласно которой массам отводилась пассивная, ожидательная роль, а надежды на улучшение тревожной ситуации большинства изгнанников целиком возлагались на политическую, благотворительную творческую деятельность элиты.

Для описания последствий этой установки З. Н. Гиппиус прибегла к образу “колёс политических мельниц”, которые “вертятся сейчас в пустоте, без малейшей воды”, и, развивая метафору, добавила, что “политику нельзя ‘делать’, не имея никакой живой, конкретной, человеческой силы, материальной среды, известной опоры”.¹⁴ Такого же мнения придерживался И. И. Бунаков, скептически оценивая вероятность объединения эмиграции через договор между лидерами “старых правительственных и общественных организаций”.¹⁵ Однако, предвидя возражения и вероятные упреки со стороны влиятельных оппонентов, авторы подчеркивали, что их призыв к переносу центра тяжести публичных дискуссий с политических вопросов на вопросы бытового, социально-экономического и культурного положения эмигрантов нельзя расценивать как сдачу позиций или отказ от борьбы с “поработителями родины”.

После революции Россия раскололась на две части – зарубежную и российскую. И та, и другая части были осколками прошлой России – осколками, которые “оказались [...] в абсолютно новых условиях. Одина-

¹² Кочаровский К. Р. Что может зарубежная Россия? // “Что делать русской эмиграции?”, с. 28.

¹³ Там же, с. 28.

¹⁴ Гиппиус З. Н. Наше прямое дело, с. 15.

¹⁵ Бунаков И. И. Предисловие, с. 7: “Недопустимо длить то положение, которое существовало до сих пор: вся благотворительная и культурная работа русской эмиграции производилась остатками старых правительственных и общественных организаций без всякого участия и содействия широких эмигрантских масс. Заслуга этих организаций велика, но стоящая перед эмиграцией задача им не по силам. Не поможет делу и объединение этих организаций, как предлагают некоторые реформаторы”.

ково новых, – и совершенно не схожих, различных по существу”.¹⁶ Этим частям предстояло найти выходы из кризиса, затронувшего сферы духовных, межличностных и общественных отношений, а найти выходы, как утверждает З. Н. Гиппиус, значит восстановить утраченную целостность бытия.¹⁷ И если опыт “страшных испытаний” (“потеря свободы”),¹⁸ выпавших на долю России-земли, приводит к тому, что в ней “материальная и духовная жизнь уже почти не имеет образа ‘человеческой’ жизни”,¹⁹ то трудности, выпавшие на долю эмигрантов,²⁰ способны стать материалом для возведения здания новой, свободной России. Преодоление кризиса бытия эмиграции – задача не только внутренняя, касающаяся лишь “русских в *иностранстве*” (термин К. Р. Кочаровского), а, напротив, задача, разрешение которой открывает перспективы для восстановления национальной целостности, разрушенной революцией.²¹

Таким образом, сама эмиграция показывалась как эпицентр событий и процессов, должных определить судьбу страны, которую пришлось оставить: “Делая свое дело, зарубежная Русь работает не только для завтрашней России, но и для сегодняшней”.²² Однако, для исполнения этого долга предстояло осознать общую ситуацию – материальное положение и духовное состояние – тех, кому авторы брошюры отводили миссию хранителей и творцов подлинной России. И то, и другое были неутешительными.

Революция оторвала от родины миллион русских людей. Уже 12 лет они живут на чужбине, и никто не знает, как долго они пробудут в этом рассеянии.²³

¹⁶ Гиппиус З. Н. Наше прямое дело, с. 14.

¹⁷ Там же, с. 14: “Разность потерь, разность судеб двух частей одной России, не ставит ли перед обеими и разные задачи в единой борьбе – за бытие общее?”.

¹⁸ Там же, с. 12.

¹⁹ Там же, с. 14.

²⁰ См. близкие по смыслу высказывания о преодолении кризиса бытия эмигрантов как условия восстановления единого национального бытия в будущей России: “Что делать русской эмиграции?” (Бунаков, с. 8, Гиппиус, с. 14, Кочаровский, с. 23, 36).

²¹ Гиппиус З. Н. Наше прямое дело, с. 14: “Все, чему можно научиться, что можно создать, добыть трудом и волею, живя в *условиях свободы*, все это зарубежный народ должен понести в Россию”.

²² Там же, с. 14.

²³ Бунаков И. И. Предисловие, с. 3.

Десятки тысяч беженцев жили под гнетом безысходной борьбы за выживание. Они влачили “нищенское существование” или существовали “за счет чужих народов”. Даже положение устроившихся было крайне неустойчиво:

Пока есть работа, беженцы с трудом сводят концы с концами. Но малейшее потрясение – временное лишение заработка, болезнь, смерть члена семьи – грозит превратиться в жизненную катастрофу.²⁴

Столь же бедственной была культурная ситуация. Время, проведенное в ожидании, когда все само собой вернется на круги своя, поставило эмиграцию перед вопросами, которые еще недавно просто не приходили в голову. Так, оказалось, что русская культура, носителями и творцами которой осознавало себя старшее поколение эмигрантов, может сойти на нет в силу естественного процесса смены поколений.

[...] только 15% наших детей учатся в русских школах, или получают внешкольное русское образование. Остальные 85% получают образование тех народов, среди которых они живут, и становятся маленькими сербами, немцами и французами – в лучшем случае полусербами, полунемцами, полуфранцузами.

– пишет И. И. Бунаков и приходит к выводу, который, по его мнению, должен мобилизовать усилия эмигрантов:

Пройдет еще десятилетие – а кто может поручиться, что наше изгнание не продлится еще десятилетие? – и вся культурная работа русской эмиграции начнет сходиться на нет. Старшее поколение будет умирать, а новое в русской культуре уже нуждаться не будет.²⁵

И если материальная нужда и неудовлетворенные социальные потребности оставались постоянной угрозой быту, то утрата общей культуры ставила крест на самом факте бытия русской эмиграции как сообщества людей со сходной судьбой и общими целями.

Для предотвращения этих опасностей авторы брошюры призывали читателей обратиться к трем основным источникам, способным дать “инструкции по выживанию”. Во-первых, следовало отнестись с должным вниманием и доверием к стихийным процессам самоорганизации, “инициативам снизу”, предпринимаемым в среде эмигрантов; во-вторых, требовалось изучить опыт европейских народов и в особенности те способы

²⁴ Там же, с. 4.

²⁵ Там же, с. 6.

социально-экономической и культурной самоорганизации, которые осуществлялись вне опосредования традиционными государственными институтами; и, наконец, в-третьих, стоило осознать особенности русской эмиграции в историческом контексте и тем самым сформулировать уникальную “историческую миссию”, выпавшую на ее долю. Последнему источнику придавалось особенное значение, поскольку он, в отличие от первых двух, дающих некие практические, утилитарные рекомендации, имеет прямое отношение к сердцевине проблемы – к теме национальной идентичности, то есть – к осознанию бытия русских в контексте бытия других народов.

С одной стороны, беженцы из России были похожи на множество других изгнанников: они образовывали колонии, мучительно переживая свою зависимость от коренного населения, строили свои отношения с приютившими их народами, одновременно сохраняя дистанцию и сопротивляясь ассимиляции; с другой стороны – имелись и отличия.

Русские эмигранты были насильственно, по принуждению, выгнаны из своей страны, в то время как “у других народов тысячи и миллионы добровольно покидали свою родину [...] во имя своих личных материальных интересов”.²⁶ Причем, изгнанию подверглась – и это постоянно подчеркивается авторами брошюры – не какая-то часть элиты или политической оппозиции, как уже бывало в истории (к примеру, с французскими роялистами после установления республики), а часть самого народа.

З. Н. Гиппиус пишет:

Главное, что делает русскую “эмиграцию” непохожей на все бывшие эмиграции, это *линия*, по которой произошел физический раскол России, – откол зарубежной от российской. Линия этого откола не *поперечная*, как бывало в истории, когда откалывалась верхушка народного коллектива, но *продольная*, благодаря чему отколовшийся кусок заключает в себе не те или другие слои, не те или другие элементы народной жизни, но все, сверху донизу.²⁷

Утверждение, что между “территориальной Россией” и “зарубежной Русью” нет различия качественного: и та, и другая – это, по своему со-

²⁶ Там же, с. 3.

²⁷ Гиппиус З. Н. Наше прямое дело, с. 11.

²⁸ Там же, с. 11-12: “Опрокинутая катастрофой Россия – одна и та же Россия, по составу своему, как на родине, так и за рубежом: родовая знать, государственные и другие служилые люди, люди торговые, мелкая и крупная буржуазия,

ставу,²⁸ “всенародная Русь”,²⁹ играет важную роль в обосновании З. Н. Гиппиус тезиса о ключевой роли эмиграции в устроении национального бытия. Без этого тезиса все происходящее с беженцами рассматривалось бы как маргинальная история, венчающаяся классическими сентенциями в духе “горе побежденным”.

Напротив, настаивая на уникальности опыта русской эмиграции, заявляя, что “русская эмиграция – явление, которому близкого примера в истории мы не знаем”,³⁰ Гиппиус возвращает своей аудитории чувство историософского смысла трагических событий – смысла, ценность выявления которого будет ощутима и для всемирной истории. Попутно этот тезис решает и более конкретные, *тактические* задачи; он нейтрализует и ставит под сомнение расхожие в “политических кругах” эмиграции противопоставления России “территориальной” и “зарубежной” с вытекающей отсюда тенденцией замыкать вопрос о России темой политической борьбы с властью большевиков.

Нейтрализация этой оппозиции достигается также и за счет отсылки к глубинному метафизическому родству раздробленного на части народа:

при невнимании к России зарубежной, мы не разорвем единого народа: он связан на таких глубинах, и таким множеством нитей, что когда иные рвутся, даже очень важные (связь географическая, государственная и т. п.), – единство остается.³¹

Это утверждение многократно повторяется во всех текстах брошюры: и посредством прямых высказываний, и через поиск лексических вариаций для обозначения общности изгнанных – “эмигрантский русский народ”, “зарубежные русские”, “русские в иностранстве”, “русские среди иных стран и народов” и др. Описание и анализ кризиса национального бытия, постановка вопроса о его преодолении и т. д. – все это авторы брошюры использовали для достижения своей главной цели. По сути, речь шла о том, чтобы переформулировать главную задачу – задачу устроения эмиграции. Это намерение выглядит в текстах как попытка

духовенство, интеллигенция в разнообразных областях ее деятельности – политической, культурной, научной, технической, и т. д., армия (от высших до низших чинов), народ трудовой (от станка и от земли), – представители всех классов, сословий, положений и состояний, даже всех трех (или четырех) поколений – в русской эмиграции налицо”

²⁹ Там же, с. 11.

³⁰ Там же, с. 11.

³¹ Там же, с. 11.

символического вытеснения доминирующей парадигмы самосознания эмигрантов – парадигмы “изгнания” и ее замены парадигмой “посланничества”. Инициатором этой символической акции, по всей видимости, являлась З. Н. Гиппиус. Во всяком случае, именно она еще в 1926 году, откликаясь на строки прочитанной ею в рукописи “Лирической поэмы” Н. Берберовой “я говорю: я не в изгнаны / я не ищю земных путей / я не в изгнаны, я – в посланы / легко мне жить среди людей”, – отправляет писательнице письмо, где сообщает:

Ваша поэма меня интересует еще и по одному поводу: у меня есть давно начатое и неоконченное “письмо в Россию”, где главное вот это: “не изгнаны, а посланы”, и вы даже не знаете, м. б., какая тут реальность.³²

Другим доводом в пользу первенства З. Н. Гиппиус при определении концепции брошюры “Что делать русской эмиграции?” является частотность ее обращения к теме в публицистике 1926-1930 годов.³³

Сама же брошюра, датированная, как уже сообщалось, 1930 годом, любопытна тем, что она стала текстуально отраженным местом своеобразного “парадигмального перехода”, что подтверждается многочисленными следами полемики с “политическими кругами” и наличием авторских апелляций к разным группам эмигрантов (в терминологии К. Р. Кочаровского – к “ожиданцам”, “возвращенцам” и активным деятелям).³⁴ Состоялся ли этот “парадигмальный переход” (“психологический сдвиг”) и в чем он должен был заключаться?³⁵

Для ответа на этот вопрос необходимо провести четкую границу между обеими парадигмами. Сделать это мы предлагаем при помощи вспомогательных понятий “локуса” и “не-локуса”. Несмотря на то, что они были введены в научный оборот Марком Оже для описания куль-

³² Зинаида Гиппиус. Письма к Берберовой и Ходасевичу. *Ann Arbor, Ardis*, 1978, с. 14; ср. в настоящем издании примечание № 12 в статье С. Бочарова “Европейская ночь – как русская метафора: Ходасевич, Муратов, Вейдле”.

³³ В период 1926-1930 годов, помимо уже названных нами текстов, проблема устройства бытия эмиграции и изменения ее самосознания отражена в статьях: “Земля и свобода” (8 июня 1926), “О ‘Верстах’ и прочем” (14 августа 1926), “Чего не было и что было” (15 октября 1926), Доклад “Русская литература в изгнании” (24 февраля 1927, 1 марта 1927), “Мечта” (12 декабря 1928), “Дело эмиграции – дело России” (1 мая 1929), “Почему нам скучно” (24 марта 1930), “О шестом чувстве” (15 апреля 1930) и др.

³⁴ Кочаровский К. Р. Что может зарубежная Россия?, с. 30.

³⁵ Там же.

турной конфигурации общества постмодерна, нам кажется, что эти понятия дают возможность конструировать подходящую оптику для понимания бытия русских эмигрантов, которых история заставила пережить муки транзитной идентичности (существование “вне локуса”) даже раньше, чем они стали общецивилизационным симптомом.³⁶

Согласно Оже, “локус” – это пространство, занятое населением, в котором оно живет, работает и которое оно защищает.³⁷ Это пространство не является сугубо физическим, “абстрактно-объективным”, гомогенным. Оно создается в многообразных отношениях между людьми и средой их существования и включает в себя связи в онтологических горизонтах: “человек – предметный мир”, “человек – человек”, “человек – культура”. “Локус” (luogo) – это “обжитое”, “семиотизированное”, опосредованное деятельностью человека, пространство. Структуру такого пространства задают меняющиеся конфигурации (расположения, притягивания и отталкивания, пересечения и конфликта, дифференциации и интеграции и т. д.) бытия как поля позиций (объективных отношений) и диспозиций (отношений, отраженных и конституируемых самосознанием) действующих в поле субъектов (индивидов, социальных групп, коллективных целостностей).

Соответственно, понятие “не-локуса” обозначает пространство, лишенное свойств “локуса”. “Не-локус” – это пространство, которое является как бы “пустым”, “неозначенным”, неструктурированным практикой и сознанием человека. Понятие “не-локуса” обозначает “транзитное” пространство, в котором невозможно создание постоянных отношений между индивидуумами. Это место “анонимности”, потери индивидуальности, одиночества. Это инфраструктура транспорта – гостиницы, залы ожидания, вокзалы, транспортные средства, а также места торговли (рынки) или даже лагеря для перемещенных лиц, то есть все те места, пребывание в которых временно, неустойчиво.

Итак, парадигма “изгнания” представляла собой модель локализации, то есть – модель “освоения” пространства, доминирующую в самосознании эмигрантов в течении 20-ых годов.

При анализе этой модели бросается в глаза ее негативный характер: фактически мы сталкиваемся с тем, что повсеместной практикой становится намеренный отказ от локализации. З. Н. Гиппиус пишет, что по-

³⁶ Augé M. Nonluoghi. Introduzione a una antropologia della surmodernità. Milano 1996.

³⁷ Ср. там же, с. 43 и след.

литические (сознательные) “верха” эмиграции, будучи занятыми восставлением своих группировок, оторваны от основной эмигрантской массы:

Все взоры были устремлены на далекую Россию территориальную, поверх здешней “обывательской” массы. Отвлекали от нее, занимая время, и постоянные споры между отдельными политическими группировками. В эмигрантской прессе, группировки эти обслуживающей, не хватало, конечно, и места для чего-нибудь, прямо касающегося зарубежной Руси.³⁸

Раньше сходнее по смыслу высказывание в ее публицистике встречается в статье “Дело эмиграции – дело России”:

Многие с полной искренностью думают, что надо все взоры, все внимание обратить на Россию, и, если смотреть на нее, - то уже нельзя смотреть на эмиграцию. [...]. Да и *для чего*, спрашивают они, все эти заботы по сложному устройству на чужой земле?³⁹

“Внетерриториальность” зарубежной Руси наблюдается не только в отношении к пространству, но и в отношении ко времени.⁴⁰ Та же Гиппиус передает распространенное представление об основной массе эмигрантов:

[...] громадное же большинство, главная масса, просто обычная толпа беженцев, годное лишь для выжидательного сидения на чемоданах: обывательская пыль, куча нищих... о которых, конечно, заботливость следует проявлять, печатая воззвания “к добрым людям”, устраивая благотворительные сборы или даже комитеты.⁴¹

Из анализа этого и других фрагментов следует, что настоящее в парадигме “изгнания” воспринималось как “пустое время”, “время выжидания”. Ценностная нагрузка возлагалась лишь на утраченное *прошлое* (локус “дореволюционной России”) и чаемое *будущее* (мерцающий локус “свободной России”).

Довлеющая парадигма “изгнания” ориентировала самосознание так, что территория приютивших народов, то есть – территория европейских государств, воспринималась ими как временное пристанище, как место транзита, как пространство *пре-бывания*, а не *бытия*. Это пространство, лишненное признаков “локуса”. В такой форме восприятия по инерции

³⁸ Гиппиус З. Н. Наше прямое дело, с. 10.

³⁹ Гиппиус З. Н. “Дело эмиграции – дело России”// Гиппиус З. Н. Чего не было и что было. Неизвестная проза (1926-1930 гг.). СПб. 2002, с. 491.

⁴⁰ Гиппиус З. Н. Наше прямое дело, с. 15.

⁴¹ Там же, с. 10.

доминировали модели локализации, сложившиеся на почве дореволюционного общества в России. Или же – их место занимали внутренне противоречивые, не скрепленные общественным договором (“*Contrat Social*”, на который рассчитывал Николай Голденвейзер), образы будущей (освобожденной) территориальной России. И та, и другая модели никак не соотносились с реальностью. Быт и бытие в них разводились в разные стороны, что не могло не приводить к кризису идентичности и переживанию “беспочвенности” уже не только в буквальном, но и в переносном, символическом значении.

Переживание неукорененности в бытии и переживание хаоса (“*обыватели*’ на своих боках испытывают силу хаоса”),⁴² ощущение пребывания во враждебном, выталкивающем пространстве,⁴³ непрерывные перемещения на чужбине⁴⁴ – весь этот комплекс душевных состояний отражает противоречивость, неустойчивость эмигрантской идентичности. Да и о какой прочной самоидентификации можно говорить при отсутствии гарантированного, стабильного жилища, места работы, рода деятельности, при отсутствии причастности к каким-либо традиционным социальным институтам (государство и др.), при неясности правового статуса? К тому же, как полагает З. Н. Гиппиус, это состояние искусственно поддерживается усилиями “московской деспотии”, направленными на “разложение эмиграции”:

В их прямых интересах, чтобы миллион непокорных русских, если уж его нельзя уничтожить, пребывал в состоянии распыленности, беженской беспомощности, немоты и несправия. Они знают [...], что никакое государство, никакая современная страна не будет считаться с текущей иноземной массой без голоса, без упора, без лика, не умеющей связать своих интересов.⁴⁵

⁴² Гиппиус З. Н. “Дело эмиграции – дело России”, с. 488.

⁴³ Там же, с. 488-489: “Но куда пойти? К кому? Не к благотворительной же даме, только что устроившей пышный вечер или концерт: она не понимает, для нее – все нищие с паперги, всем надо поровну, по копеечке... А молодежь? Не отказываясь трудиться до десятого пота, ради хлеба, она хочет и знаний. Идет к чужим дверям, к американским или другим, за помощью... но многие ли попадают за эти двери?”

⁴⁴ Гиппиус З. Н. Наше прямое дело, с. 12: “Катастрофа именно опрокинула всю Россию. Та, опрокинутая в зарубежье, естественно очутилась, с самого начала (как и российская), в состоянии некоего хаоса, в беспорядке всеобщих перемещений”.

⁴⁵ Там же, с. 14.

Метафорически эта *безликость* (транзитность, отсутствие четкой идентичности) эмиграции нередко выражена в эмигрантской литературе 20-ых годов. Мотивы транзитности – “изгнания” и “странничества по чужбине” – воспроизводятся в ней образами поезда и железной дороги, вокзала и дорожного багажа, гостиницы с номерами, похожими один на другой. Русские эмигранты – это и не пассажиры, имеющие конечный пункт прибытия (место назначения), и не путешественники, цель которых – любованье пейзажами или городскими достопримечательностями. Они именно странники,⁴⁶ чужаки, “мтэки”.⁴⁷ Симптоматично в этом контексте самоназвание группы молодых литераторов, сформировавшейся в зарубежье, – “Кочевье”.

Парадигма “изгнания” не позволяет эмигрантам воспринимать место их проживания в настоящий момент, то есть – Европу (европейские страны), как “локус”. Они чувствуют себя вне времени и пространства. Чужие города для них служат лишь “фоном” – по определению Нины Берберовой⁴⁸ – собственно русской жизни, своего рода подмостками с декорациями, которые остались от другого спектакля: они не мешают и не играют значительной роли.

Европа, бывшая ранее, до революции, образом цивилизации и в некотором роде социально-политическим, культурным ориентиром (точкой притяжения и отгалкивания разных типов политических, экономических, социальных и культурных практик), в годы эмиграции стала восприниматься как временное пристанище на пути назад (вперед?), в Россию. Поразительно по точности наблюдение одного из наиболее позже “интегрированных эмигрантов”, Федора Степуна, сделанное в 1923 году:

Но вот мы изгнаны из России в ту самую Европу, о которой в последние годы так страстно мечтали, и что же? Непонятно, и все-таки так: Изгнанием в Европу мы оказались изгнанными и из Европы. Как прекрасный пейзаж в своем “Петровском огне”, ушел родной подоконник из-под локтей – ушло очарование пейзажа. Нет сомнения. Если нашей невольной эмиграции суждено будет затянуться, она окажется вовсе не тем, чем она многим в России казалась, – пребыванием в Европе, а гораздо более горшею частью, пребыванием в торричеллиевой пустоте.⁴⁹

⁴⁶ Не случайно К. Р. Кочаровский эмиграцию называет “русскими в иностранстве”: “иностранство”, то есть – “странствование в ином”.

⁴⁷ Гиппиус З. Н. Наше прямое дело, с. 14.

⁴⁸ Н. Берберова. Курсив мой. Нью-Йорк 1982, с. 191.

⁴⁹ Степун Ф. Мысли о России. “Современные записки”. 1923. № 17.

В цитате обращает на себя внимание образ пустоты. Именно “пустота”, то есть чуждость, инакость, становится главным препятствием для воспроизводства бывших моделей идентичности: они входят в конфликт и обнаруживают свою неадекватность новому, неосвоенному “бытийному локусу” европейских народов. Европа, как “не-локус”, как ценностно пустое пространство, как дорога и пункт временного пребывания, представлена также и в многочисленных воспоминаниях эмигрантов. В них, к примеру, содержатся указания на безразличность и случайность пребывания в европейских городах. Илья Эренбург пишет, что среди эмигрантов было немало людей, которые едва знали, почему они оказались в изгнании, и заключает, что случай решил судьбу множества людей.

Когда Владимир Познер осенью 1922 приезжает в Берлин, он тоже признается, что Берлин – просто случай и мало его интересует.⁵⁰ Об этом же пишет в своих автобиографических рассказах Илья Эренбург (к примеру, рассказ “Виза времени”), называя Берлин “не городом, а узловой станцией” или “огромным вокзалом”.⁵¹ Для Виктора Шкловского, в его “берлинском” романе “Зоо, или письма не о любви”, дома немецкой столицы похожи на чемоданы,⁵² а Дон Аминадо обобщает: “Природа дала человеку пять чувств и только русскому эмигранту еще и шестое: – Чувство железной дороги”.⁵³ Э. Н. Гиппиус, уехав из негостеприимной для нее Польши, пишет в одной из первых корреспонденций Н. А. Бердяеву:

Париж, в русском смысле, – пустыня. Эмигранты – одичалые единицы или замкнутые старые кружки, как старые эсеры, сухая и тупая группа Милюкова. Все это неподвижно и непроницаемо. Есть еще церковный кружок, но это и все: окружение его – неинтересно – “остатки” русской бюрократии, с которыми просто нам нечего делать и не о чем говорить.⁵⁴

Вообще это равнодушие к окружающей среде, с одной стороны, и сосредоточенность на самом себе, с другой, влияет и на образ разных городов, который складывается в сознании русских эмигрантов. Они иногда

⁵⁰ Vladimir Pozner erinnert sich, Leipzig 1986, p. 140.

⁵¹ Эренбург И. Собрание сочинений в 9-ти тт. Москва 1966. Т. 7, с. 283, 285; см. также, с. 313.

⁵² Шкловский В. Собрание сочинений в 3-х тт. Москва 1973-1974. Т.1., с. 206.

⁵³ “Последние новости” - 02.02.1931; цит. по: Caratozzolo M. Il concetto di provincia nell'opera di Don Aminado, “Europa Orientalis” XXII, (2003) 1, p. 159.

⁵⁴ Rachmuss T. Selected correspondence. 1972, p. 147; цит. по кн.: Хрисанфов В. И. Д. С. Мережковский и Э.Н. Гиппиус: из жизни, СПб, “Синтез-Полиграф”, 2001, с. 26.

испытывают даже пренебрежение ко всему чужому – от еды до искусства, от хозяек взятых в наем комнат до самих городов. Европейское бытие в самосознании эмигрантов словно бы аннигилируется до нулевого знака, функция которого состоит лишь в том, чтобы быть маркером *отсутствия* России.

Несколько иначе З. Н. Гиппиус отзывался о Флоренции, но стоит учесть, что этот отзыв – реплика гостя, кратковременного туриста:

За десять дней во Флоренции видели мы интересных людей столько, сколько в Париже и за пять последних лет не видали. Положим, мы были “го-сти”, иностранцы, а в Париже мы оседлые... Эмигранты, люди, к которым хозяева только “притерпелись”. Да и правду сказать: русские эмигранты во Франции и сами, чем дальше, тем все больше в свой круг замыкаются, слишком, может быть, остро чувствуя свою безземность, безродность, свое приживальчество на чужой земле [...] Но в Италии было [...] ощущение, что у людей, кроме прямой, еще какая-то родина общая, всех объединяющая: всемирная культура.⁵⁵

Подобное восприятие Италии было присуще многим русским. Италия для них как бы вне Европы, сама по себе.⁵⁶

Подводя итог краткому анализу парадигмы “изгнания”, можно заметить, что длительность ее существования, равно как и масштабы ее распространенности, объясняются особенностями исторической ситуации, в которой довелось оказаться русской эмиграции. В первые годы пребывания на чужбине большинство еще надеялось, что власть большевиков окажется недолгой и она непременно падет как под воздействием внутренних причин, так и из-за иностранного вмешательства (“помощи Европы и Америки”). Постепенно надежды на скорое возвращение приотуплялись, а вместе с тем – назревало понимание ограниченности, неадекватности парадигмы “изгнания”. Лидеры эмиграции по-прежнему не уставали ее насыщать и воспроизводить, полагая, что только в этом слу-

⁵⁵ Гиппиус З.Н. “Интуристы у фашистов” // Гиппиус З. Н. Арифметика любви. Неизвестная проза (1931-1939 гг.). СПб. 2003, с. 441.

⁵⁶ Показательно высказывание Б. К. Зайцева в 1940 году: “Умирал Париж, это ясно. Семнадцать лет прожил я здесь. Сказать, чтоб было в нем близкое изнутри, как в городах Италии, было неправильно. Всегда этот суховато-изящный, прохладный город был как бы за прозрачным стеклом – отделен. Как и обитатели его. Геометрия и суховатость свойственны XVIII-ому веку – времени высшего и утонченного цветения его. Не скажешь – это мое” - цит. по кн.: Романович А. Италия в жизни и творчестве Б. К. Зайцева. “Русская литература” 1999, № 4, с. 55.

чае удастся поддерживать в основной массе эмигрантов дух, мобилизующий на борьбу с большевиками и сохраняющий патриотическое самосознание.⁵⁷

К концу 20-ых годов, если с доверием отнестись к мнению И. И. Бунакова⁵⁸ и свидетельствам З. Н. Гиппиус,⁵⁹ средняя масса эмиграции была полностью покинута верхними эмигрантскими слоями “и в духовном отношении, как и во всех других”. Это привело к взаимному отчуждению “масс” и “элиты”. Элита невольно “повышала тон” и высказывалась в защиту парадигмы “изгнания” все более и более резко. В ответ на проекты объединения эмиграции под предлогом совместного экономического и культурного строительства она предсказывала последующее ослабление воли и отход от главной миссии эмиграции – “беспощадной борьбы с поработителями родины”. Любая миссия, кроме политической, считалась ими “бесполезной и вредной”.⁶⁰

Очевидно, что “основная эмигрантская масса” устала “сидеть на чмоदानах”. Возникла потребность в смене установок. Потому-то проект социально-экономической и культурной самоорганизации “снизу” (парадигма “посланничества”) “быстро завоевал умы”.⁶¹ Он не был кем-то придуман. Во всяком случае, авторы брошюры (каждый – в своей статье) стремились доказать его не умозрительный, а социально-объективный, обладающий имманентной логикой, характер. Бессубъектность и массовость процесса сказывалась через выбор прилагательных, его описывающих – “полусознательный”, “стихийный”. Например, З. Н. Гиппиус писала:

Полусознательно, просто по стихийному устремлению, подготовка к этой задаче уже шла раньше. Подготовкой были постоянно возникавшие объединения на конкретных началах: деловые, профессиональные и другие

⁵⁷ Гиппиус З. Н. “Дело эмиграции – дело России”, с. 491: “Многие с полной искренностью думают, что надо все взоры, все внимание обратить на Россию, и, если смотреть на нее, - то уже нельзя смотреть на эмиграцию. Это будто бы значит ‘отвернуться от России’, что непатриотично”.

⁵⁸ Мнение было высказано зимой 1928/1929 года. Его передает З.Н. Гиппиус в завершение статьи “Дело эмиграции – дело России” (с. 492).

⁵⁹ Гиппиус З. Н. “Дело эмиграции – дело России”, с. 490: “В 20-ом году эмиграция была (или создавала себя) более цельной. На две половины, неравные, она еще не была разрублена. Сейчас (1929 год – К. С.) это деление фактически существует”.

⁶⁰ Бунаков И. И. Предисловие, с. 8.

⁶¹ Гиппиус З. Н. Наше прямое дело, с. 10.

союзы, всякие учреждения, все, что соединяет людей для реальной работы *сообща*. Постепенно отсюда выросло и сознание необходимости утвердить, оформить как-то бытие *общее*.⁶²

Свое личное участие в этом процессе она видела в том, чтобы облечь его “полусознательность” в ясную духовную форму (парадигму, то есть – форму-образец), которой, как руководством к действию, воспользуются массы. Эта форма должна была стать мировоззренческой субстанцией, объясняющей и легитимизирующей хаотическое движение к объединению вокруг новых, определенных заново целей. И так в основу найденной формы была положена идея “посланничества”.⁶³ Ее краткое изложение содержит следующая цитата:

Когда-то [...] Петр, хозяин земли русской, посылал русских людей в Европу с твердым наказом не возвращаться, пока не научатся они делу, не наберутся в чужих землях нового ума-разума, “себе и *родине* на пользу”. А что, если какой-то Хозяин и теперь послал сотни тысяч русских людей в чужие страны для того же, с тем же наказом, и не возвратит их, пока они дела, за каким посланы, не сделают, новой науке не научатся, – “себе и *родине* на пользу”?⁶⁴

В процитированном отрывке отчетливо прослеживается *мотив провиденциальности*. Часть русского народа послана в Европу... Кем? Кто субъект послания? Кто этот Хозяин, о котором пишет З. Н. Гиппиус? Прямой ответ в тексте отсутствует. Контекстуально оформлено, что под Хозяином подразумевается Бог, который, как и в случае с “еврейским рассеянием”, испытывает народы. Гиппиус, как и люди круга Мережковского, отрицала позитивистскую картину мира с ее детерминизмом и историческими закономерностями. Для нее человеческая потребность в смысле выше потребности в доказательствах и поэтому ради объяснения хаотического, катастрофического бытия эмиграции она обращалась к квази-рациональным – мистико-религиозным и поэтико-символическим – ассоциациям. Впрочем, эта склонность все-таки была отчасти рационально оправдана теми полемическими задачами, которые ставили авторы брошюры: парадигму изгнания, имеющую библейские параллели, можно было потеснить, лишь предлагая идеи со столь же глубокими историко-культурными и метафизическими корнями. Трудно сказать, насколько в

⁶² Там же, с. 12.

⁶³ Там же, с. 13: “Зарубежная Русь [...] должна осознать свое *посланничество*”.

⁶⁴ Там же, с. 13.

этом нуждалась публика, но для Гиппиус работа с символами – дело, доступное посвященным, а в своей личной избранности она никогда не сомневалась и не давала усомниться другим.

Внешне парадигма “посланничества” повторяет парадигму “изгнания”. Во всяком случае, их структурное описание схоже: “кризис бытия” – “путешествие и испытания героя” – “получение новых онтологических свойств” – “возвращение героя” – “восстановление гармонии бытия”. Центральным моментом этой мифопоэтической конструкции являются сцены испытания, во время которых герой обязан продемонстрировать такие качества, как верность, стойкость, готовность претерпеть страх, лишения, боль, сомнения и прочие экзистенциальные напасти и соблазны.

Идентичность героя, в нашем случае – эмиграции, удерживается через противостояние темным силам раздора (большевики и сепаратисты) и отрицание революции, а также через отождествление с утраченной гармонией бытия (“локусом”) и миссией ее восстановления, которой герой готов принести себя в жертву. Иначе говоря, эмиграция, как коллективный герой,⁶⁵ должна сохранить те ценности, носителем и репрезентантом которых она является (ценности русской культуры), и после того как развеются “колдовские чары” большевиков, наградой за стойкость (жертвенность) для нее станет родина, очищенная от скверны. Эту “социальную космогонию” З. Н. Гиппиус хорошо передает отрывок из ее статьи под заглавием “Мечта”:

Большевики, придя к власти, не только оборвали революцию, они оледенили, окостенили Россию на целый период времени. Как бы море со вздувшимися валами превратили в хаотическое поле нагроможденных ледяно-каменных глыб. Жизнь идет, конечно; меж льдинами, кое-где, журчат ручейки, но... чары не сняты. Когда они спадут, когда развороженное море вновь сделается морем, не увидим ли мы, что некоторые водные пласты, на глубине, остались нетронутыми? Не найдем ли мы Россию, с иных сторон, в том же *состоянии*, в каком застала их магическая палочка большевиков?⁶⁶

Изменению в парадигме “посланничества” подвергается не фабула, а миссия героя.⁶⁷ На место “испытания как претерпевания” ставится

⁶⁵ В тексте брошюры слова о героизме эмиграции и ее испытаниях встречаются часто.

⁶⁶ Гиппиус З. Н. “Мечта” // Гиппиус З.Н. Чего не было и что было, с. 458.

⁶⁷ “Посланничество” – это не проект, а именно “миссия”. Различие между этими понятиями обнаруживается при анализе субъекта действия. В первом случае, субъект - реально существующий индивид или социальная группа, во втором –

“испытание-подвиг”, “испытание-действие”. Цель, достижение которой ранее возлагалось на некие трансцендентные герою силы (интервенция войск союзников, внутренние противоречия в “территориальной России”), отныне декларировалась как предмет ежедневной заботы и точка устремленности множества индивидуальных волей эмигрантов. И прежде, чем она будет достигнута, герою полагалось “воскреснуть”: соединить части расчлененного тела и окропить “живой водой” омертвевшие члены. Пишет К. Р. Кочаровский:

[...] такой “живой водой”, которая сростит и оживит русских в иностранстве, будет *осознание* ими своей особой – крупной и благой – “*исторической миссии*”, именно как *русских среди иных стран и народов*, как некоего “*зарубежного отряда России*”. [...]. Историческая судьба как бы отрядила их в иностранство, дав им широкие своеобразные возможности, сделал их физически как бы некоторым *народно-культурным посланством России за границей*.⁶⁸

Эта же демиургическая линия развивается одновременно у всех авторов брошюры через метафору, уподобляющую эмиграцию “людской пыли” (“не-локус”), которой необходимо стать коллективным “телом”⁶⁹ (внетерриториальным объединением “микро-локусов”)⁷⁰ и лишь затем – “землей” (“локусом”).⁷¹ Мотив “воскресения во плоти” (обретения теле-

индивид или социальная группа – носители, обладатели некоей духовной формы, через которую реализует свою волю некая надличностная, “надмирная” сила (Бог, судьба, история).

⁶⁸ Кочаровский К. Р. Что может зарубежная Россия?, с. 23.

⁶⁹ Гиппиус З. Н. Наше прямое дело, с. 16; Гиппиус З. Н. “Дело эмиграции – дело России”, с. 488; Кочаровский К. Р. “Что может зарубежная Россия?”, с. 22 и др.

⁷⁰ Понятие “микро-локуса” вводится нами для обозначения “локуса” какой-либо социальной группы, поскольку очевидно, что формы локализации (преобразования “не-локуса” в “локус”) могут различаться в зависимости от характера материальной и духовной жизни той или иной социальной целостности.

⁷¹ См. множество других фрагментов: “ураган войны и большевистской революции смел с почвы России и развеял по свету, как некую людскую пыль”, “сростание рассеянных за границей русских в единое общественное тело” (Кочаровский К. Р. Что может зарубежная Россия?, с. 22); “миллион русских брошены в мир, как миллион пылинок” (Бунаков И. И. Предисловие, с. 4); “очевидно, наконец, насколько неизмеримо ценнее для самой России организованный полумиллионный ‘зарубежный отряд’, чем такая огромная туча людской пыли” (Ко-

ности) наиболее отчетливо звучит у З. Н. Гиппиус: “Пыль, не может, конечно, быть ни силой, ни средой, питающей политику. Но уже не пыль – эмиграция, бытийно скрепленная, с живым телом, имеющим определенные очертания – зарубежная Россия реализованная”.⁷² Все сомнения, мифологемы ритуальной смерти и расчленения героя (изгнание) в сочетании с мифологемой “воскрешения” выступают своеобразной нарративной матрицей не только большинства эмигрантских автобиографий, но и составляют как бы ядро их коллективного самосознания.

Итак, прежде чем подступиться к вопросу о конечной цели – возвращении, как политической миссии эмиграции – авторы брошюры предлагают обсудить проблему “воскрешения”, то есть – воссоздания целостности всех “русских в иностранстве”,⁷³ сохранения души и тела зарубежного народа,⁷⁴ “спайки эмиграции в живое народное тело”.⁷⁵ Будучи перенесенной в область “прямого дела”, эта проблема казалась нерешаемой. Ведь “у русских эмигрантов нет ничего: ни родины, ни государства, ни родственных связей, ни имущества, ни прочных связей”,⁷⁶ то есть – нет тех самых общественных отношений, что составляют институциональную (стабильную) структуру существования “всех цивилизованных народов” (общность территории, государственный аппарат и правовая система, отношения родства, хозяйственные взаимосвязи и т. д.). В этой ситуации императивы вроде – “тысячи неустроенных должны быть, наконец, устроены, и не одними своими усилиями, а усилиями всего миллионного эмигрантского народа”⁷⁷ – были обречены на скептический прием. В лучшем случае речь шла о личном устроении или устроении группы, объединенной вокруг той или иной идеологии, эстетической ценности, экономического интереса.

Однако, по мнению идеологов парадигмы “посланичества”, смысл предназначенного им испытания заключается в подготовке коллективного

чаровский К. Р. Что может зарубежная Россия?, с. 25); Гиппиус З. Н. Наше прямое дело”, с. 16; Гиппиус З. Н. “Дело эмиграции – дело России”, с. 488 и др.

⁷² Гиппиус З. Н. Наше прямое дело, с. 15.

⁷³ т. е. – воссоздание эмиграции как “микро-локуса” - Малой Зарубежной Руси.

⁷⁴ Гиппиус З. Н. Наше прямое дело, с. 16: “...только в объединении сохранит зарубежный народ свою душу и тело”.

⁷⁵ Там же, с. 16.

⁷⁶ Бунаков И. И. Предисловие, с. 4.

⁷⁷ Там же, с. 5.

действия на принципах “демократической свободы и народного самоуправления”. Одним из знамений, указывающих на это, является сама география изгнания – территория европейских стран. Если их вело провидение, а не слепая случайность, то именно Европе уготовано преподать беженцам свои уроки и передать опыт, который будет полезен при возвращении на родину. Чтобы получить этот опыт, необходима установка на адептат, на ученичество:

“После большевиков Россия (какой бы она ни была) будет остро нуждаться в образованных и технически подготовленных людях, в капиталах, иностранных кредитах, организаторах, коммерсантах, инженерах, агрономах, профессорах, учителях, торговых и государственных служащих, лицах, знающих иностранные языки. *Откуда-нибудь* она их несомненно получит. И будут ли то иностранцы, или бывшие русские эмигранты – зависит всецело от теперешней эмиграции...”. Да, от нее, от того, успеет ли, сумеет ли она *довоспитаться* до состояния, в котором окажется реально *нужной* воскресающей родине.⁷⁸

В этом отрывке любопытно сопряжение двух разных смысловых оттенков: в первой части высказывания З. Н. Гиппиус цитирует Голденвейзера-Любимова (об образовании), во второй – дает свой комментарий (о воспитании), смешая и переключая интерпретацию цитаты с аспектов утилитарно-прагматических на духовно-нравственные. Нельзя также не отметить привлекательности приведенных утверждений для аудитории статьи: смещение парадигмы, изменение ракурса зрения и интерпретации факта вынужденного пребывания на чужбине превращает изгнанников – в привилегированную группу, заложников грозных исторических событий – в элиту, от которой будет зависеть будущее той самой страны, из которой пришлось спасаться.⁷⁹

Однако очевидная польза от контакта с Европой содержит в себе и опасность обезличивания и отрыва от России. Поэтому всякий раз, когда говорится о необходимости ученичества, следом идут фразы, предостерегающие и призывающие держать дистанцию. Так К. Р. Кочаровский, соглашаясь, что сближение с европейскими народами “есть *рассасывание людской пыли из России*”, в следующем же предложении добавляет: “Но *самосохранение эмиграции состоит именно в ее самоопределении*, как зарубежной России, активно овладевающей средою, организующей между-

⁷⁸ Гиппиус З.Н. “Дело эмиграции – дело России”, с. 492.

⁷⁹ Там же, с. 493: “Не значит ли заботиться, думать об эмиграции – думать о России?”

народные связи и международные пути России”.⁸⁰ Таким образом, Европа предстает в качестве амбивалентного образа: как воплощение нормы, которую следует усвоить и в направлении к которой нужно “довоспитаться”, и, одновременно, как олицетворение угрозы для идентичности, с которой нужно быть осторожным.

Европа – это “локус” (порядок, цивилизация, гармония), но это *чужой* “локус” – “локус”, соприкосновение с которым трансформирует, если не сказать – деформирует, национальный дух. Программа действий, предлагаемая для эмигрантов, учитывает указанную амбивалентность и ставит акцент на стратегии “активного овладения средой”. От практики безразличия к актуальному пространству бытия, явленной в парадигме “изгнания” (пространство = фон пребывания), намечается переход к практике присвоения (овладения, освоения, переозначивания) пространства в парадигме “посланничества”. Нейтрализовать неизбежную при сближении опасность слияния с Европой было предложено через самоконституирование (“самоопределение как Зарубежной Руси”) собственного социального тела, как “объединение микро-локусов”. Этот процесс трактовался и как превентивная мера против ассимиляции, и как те самые “европейские уроки”, заданные эмигрантам на дом.⁸¹ Ведь при постановке задачи объединения подразумевалось, что речь не должна идти о *любом* объединении или объединении “любой ценой”. Испытания, посланные эмигрантам на пути объединения, могли быть признаны успешно преодоленными лишь в том случае, если русские смогут “самоорганизоваться в условиях свободы”.⁸² Вопреки исторической традиции *собирания земель* под знаком *централизации сверху*, эмиграция должна была сотворить единство, исходя из признания приоритета гражданской свободы и независимости самосознания; вместо насильственного, властно навязанного союза – единство под знаком добровольного выбора и сознания общности интересов.⁸³

⁸⁰ Кочаровский К. Р. Что может зарубежная Россия”, с. 32.

⁸¹ Гиппиус З. Н. “Мечта”, с. 462: “Западный учебник так или иначе пройти нам придется”.

⁸² Гиппиус З. Н. “Беседа III. Продолжение прений по докладу З. Н. Гиппиус ‘Русская литература в изгнании’” // Гиппиус З. Н. Чего не было и что было, с. 277: “А что если и нас какой-то Хозяин послал туда же, тоже поучиться, - между прочим и науке нам мало знакомой – Свободе? - И недоросли плакались. И недорослям путь назад был заказан, пока своего не исполнят?”

⁸³ Гиппиус З. Н. “Почему нам скучно?” // Гиппиус З. Н. Чего не было и что было, с. 506: “Долг эмиграции в ее целом – очень прост: *быть эмиграцией*. [...]. Чтобы русской эмиграции *быть*, ей надо осознать себя, или хоть почувствовать

В Предисловии к брошюре “Что делать русской эмиграции?” И. И. Бунаков раскрывает свое понимание смысла посланничества в Европу:

Удивительное дело: европейские народы живут на своей родине, защищены мощным аппаратом своей государственности, связаны крепкими нитями родства и соседства, обладают имуществом и часто недвижимой собственностью, имеют прочные заработки и доходы. И, тем не менее, сознают необходимость – в условиях сложной и трудной современной жизни – общественной самодеятельности и организованной взаимопомощи и направляют свои усилия на свободное культурное и экономическое строительство. Граждане мощных европейских государств – вместе с тем члены всевозможных общественных и культурных объединений.⁸⁴

В этом фрагменте весьма показательна роль вводных слов (“удивительное дело”). Употребляя их, И. И. Бунаков как бы ставит акцент на фразе, привлекая внимание к теме, которая была недостаточно отрефлексирована в самосознании русского общества начала XX века. Для эмигрантов членство многих европейцев в общественных и культурных организациях – это признак некоего социального избытка, изобилия, дополнительности.⁸⁵ Напротив, авторы брошюры видят в этом избытке признак недостающего элемента для воспроизводства стабильности и функциональной эффективности общества. Они отмечают, что, возможно, отсутствие именно этого элемента сказалось в момент катастрофического распада дореволюционной России. Так, З. Н. Гиппиус и в более ранних статьях с горечью констатировала:

(этого довольно) частью России, находящейся в новых, своих собственных условиях, в которых ставятся все новые, свои, задачи. И мало того: принять эти условия и задачи добровольно, т. е. как если бы выбор между двумя судьбами, двумя потерями (земли или свободы) эмиграция сделала сама, в каждый момент за него отвечая”.

⁸⁴ Бунаков И.И. Предисловие, с. 4.

⁸⁵ Сказанное относится скорее к характеристике общества, нежели к авторам брошюры. Многие из тех, кто оказался в эмиграции, были активными действующими лицами в общественных движениях, устроителями публичных собраний, вдохновителями культурных сообществ и участниками околоцерковной жизни.

Мы никогда не жили как “граждане”, а лишь как “подданные”.⁸⁶

По иронии судьбы, история гражданского общества в России началась с гражданской войны.

“Свободное культурное и социально-экономическое строительство” – путь превращения “не-локуса” в “локус”. По сути, авторами брошюры предлагается связать воедино стихийно возникшие в среде эмиграции группы взаимопомощи: сначала внутри отдельных колоний, затем – в странах проживания и, наконец, в мире. Организационными формами объединения должны были стать равноуровневые съезды представителей этих групп. В итоге “коллективным усилием всего миллиона ‘беспризорных’ должен быть создан *Всеобщий русский народный союз*” как небывалое “государство в государствах”.⁸⁷

Контуры социально-экономического строительства описывались абрисно: кассы страхования на случай болезни, старости и безработицы, эмигрантский народный банк, профессиональные и корпоративные объединения для защиты труда, биржи труда (“трудоустройство эмигрантские организации”), потребительские, сельскохозяйственные и строительные кооперативы и артели, больницы, санатории, приюты для детей, стариков и инвалидов и д. т. Столь же бегло в брошюре говорилось о первоочередных мерах по культурному строительству. Планировалось развивать и учреждать воскресные школы, просветительские, издательские и исследовательские центры, “комитет по ведению информации и пропаганды среди европейцев и американцев”, независимую общеэмигрантскую прессу и др.

Объяснить равнодушие к деталям, наверное, можно тем, что свою задачу авторы видели не в изложении конкретного плана действий (это делегировалось будущим съездам), а в том, чтобы разработать общие идеи (“животворящий дух”),⁸⁸ при помощи которых многообещающий процесс объединения эмиграции в целом мог бы себя осознать и стать более целенаправленным.

Главным действующим лицом новой миссии объявлялся “эмигрантский народ”. Роль ведущего побудительного мотива, несмотря на “заземленность” целей миссии, отводилась естественной потребности народа в поддержании личной и коллективной идентичности. Если в парадигме

⁸⁶ Гиппиус З. Н. “Невоспитанность”, с. 420; см; также “Мечта”, с. 462: “Нам необходимо правительственное устройство самое обыкновенное, которое научило бы нас первым азам гражданственности”.

⁸⁷ Гиппиус З. Н. Наше прямое дело, с. 16.

⁸⁸ Кочаровский К. Р. Что может зарубежная Россия?, с. 23.

“изгнания” доминировали формы идентичности, образованные в дореволюционной России и воспроизводимые по инерции в новом социальном контексте, то в парадигме “посланничества” идентичность должна была стать предметом свободного выбора – выбора личностью своего места и рода деятельности в социально-экономическом и культурном творчестве.⁸⁹ И хотя этот способ идентификации по-прежнему остается в границах той самой “транзитной модели идентичности”, которая возникла на заре эмиграции, нельзя не заметить некоторых отличий. “Изгнанник” – это человек с “отложенной” идентичностью (“бывший...”). “Находящийся в послании” – человек, чья идентичность “дробится” при самоопределении в каждой конкретной, новой ситуации; не имея возможности онтологически утвердить себя в глобальном, стратегическом смысле (из-за раскола национального бытия), он самоопределяется, творя бытие в пределах своего личного жизненного пространства (“микро-локуса”). Эти центры как бы символически воссоздают общность и подтверждают идентичность.

Эти наблюдения позволяют нам реконструировать социальный генезис парадигмы “посланничества”. Она возникает, как отражение стихийного процесса “освоения Европы”, проявляющегося в образовании своего рода эмигрантских “архипелагов идентичности”, то есть – “микро-локусов” с относительно устойчивой структурой социальных отношений и материально артикулированным национальным духом.

Одним из признаков “освоения” стало появление “странных” топонимов, таких как “Русский Париж”, “Русский Берлин” и др. Разумеется, “Русский Париж” территориально не совпадал с “Французским”. Как понятие он включал в себя жизненное пространство колонии русских беженцев с такими центрами как церкви, кафе, места политических, литературных и других собраний, редакции эмигрантских газет... Неудивительно, что со временем возникла потребность в понятиях, генерализующих эти социальные явления в европейском масштабе. В тексте анализируемой нами брошюры эта тенденция отражена в виде интенсивного лексического поиска наименований для обозначения “русской эмиграции в целом”: “Россия иностранная”, “Зарубежная Русь”, “Малая Зарубежная Россия”, “Россия в иностранстве” и др. И если в начале двад-

⁸⁹ Гиппиус З. Н. Наше прямое дело, с. 12: “Почти каждый русский, по социальному положению, - “бывший”. Но “бывшим” по-человечеству он себя не хочет признать; он ищет, ни перед каким трудом не останавливаясь, себя “настоящего”; и, в новых условиях, находит – тоже нового, конечно”.

цатых годов эти наименования “царапали слух”, то после двенадцати лет изгнания, как пишет З. Н. Гиппиус, они стали привычными:

Зарубежная Русь! Как случилось, однако, что это имя не вызывает больше ни улыбки, ни недоумения?⁹⁰

Вряд ли можно счесть случайностью то, что инициатива публицистического обоснования парадигмы “посланничества” с ее тактикой строительства “микро-локусов” принадлежала именно Гиппиус.⁹¹ То, что она сформулировала как миссию для эмиграции, в огромной мере характеризовало ее самое, ее личную миссию: непримиримость в отношении к большевикам, стремление к духовному “водительству” во времена “воскресных чаепитий”, “Зеленой лампы”, “Литературного Смотра”, личная заинтересованность в сохранении читательской аудитории, отношение к Европе (и, в частности, к Парижу) и мн. др. План З. Н. Гиппиус “устроения эмиграции в целом”, поддержанный И. И. Бунаковым и К. Р. Кочаровским, на наш взгляд, все-таки следует оценивать не только как программу реальных действий, помогающих одолеть нищету и беспочвенность, но и как развитие поэтико-метафизической темы языком публицистики. Доказывая это, достаточно указать на обилие чисто символических, обращенных исключительно в сферу духа, действий, которыми авторы брошюры “Что делать русской эмиграции?” рассчитывали активизировать национальное самосознание и через него – фактическое бытие своих соотечественников. Идее создания Малой Зарубежной Руси так и не суждено было сбыться. Значит ли это, что русская эмиграция сумела вместо нее открыть Европу? Или Европа так и осталась зеркалом, в котором они искали отражения покинутой родины?

⁹⁰ Там же, с. 10.

⁹¹ Показательно, что подписывая статьи “Наше прямое дело” и “Дело эмиграции – дело России”, она отказалась от использования своего традиционного псевдонима “Антон Крайний”.